
Пограничность и периферийность: к вопросу о контексте формирования калининградской идентичности

О.И. ВЕНДИНА*, А.С. ЗИНОВЬЕВ**

***Ольга Ивановна Вендина** – кандидат географических наук, ведущий научный сотрудник, Институт географии РАН, Москва, Россия, vendina@igras.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3650-1299>

****Андрей Станиславович Зиновьев** – старший преподаватель, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия, a.zinovyev@spbu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9203-407X>

Цитирование: Вендина О.И., Зиновьев А.С. (2022) Пограничность и периферийность: к вопросу о контексте формирования калининградской идентичности // Мир России. Т. 31. № 2. С. 118–143. DOI: 10.17323/1811-038X-2022-31-2-118-143

Аннотация

В статье анализируется внутренняя неоднородность Калининградской области: неравномерность ее территориального развития, значительные различия в укладах жизни и представлениях людей. Многообразие локальных средовых контекстов формирования калининградской идентичности рассматривается наряду с такими факторами, как приграничное положение региона и активные трансграничные контакты его жителей. Сопоставление типологии муниципальных образований области, разработанной на основе социально-экономических и демографических показателей, с результатами репрезентативного опроса населения (осень 2020 года) дало авторам основание сделать вывод о территориальной выраженности мировоззренческих границ, маркирующих не только пространство социальных отношений, но и конкретные географические ареалы. Ключевыми маркерами пространственной дифференциации являются периферийность и неустроенность многих населенных пунктов; фрустрация, вызванная неблагоприятными сравнениями и социально-экономической поляризацией социумов; социальная инерционность. Эксклавитность и пограничность региона обретают значение факторов формирования калининградской идентичности, если трансграничная активность людей становится следствием необходимости компенсировать дефицит локальных ресурсов развития. Феномен лиминального

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 20-05-00697 «Калининградская идентичность в трансграничном и кросс-культурном контекстах» (опрос и полевые исследования), а также в рамках ГЗ Института географии РАН № 0148-2019-0008 (AAAAA19-119022190170-14) «Проблемы и перспективы территориального развития России в условиях его неравномерности и глобальной нестабильности» (аналитика).

Статья поступила в редакцию в августе 2021 г.

социума, дистанцирующегося от культурного ядра страны, не имеет в регионе значительных масштабов вопреки распространенному мнению о «двоемирии» Калининградской области и космополитизме ее жителей.

Ключевые слова: Калининградская область, идентичность, ценности, пограничность, периферийность, субъективное благополучие, мобильность, различия

Введение

«Российский фронтир», «коридор развития», «двойная периферия», «анклав», «экслав» – красноречивые определения, которые часто используются для характеристики Калининградской области. Они рисуют регион как некое пространство «вне» и «между», одновременно принадлежащее и не принадлежащее своему окружению [Сморodinская 2001; Пилясов 2004; Артоболевский 2009; Федоров 2010; Российский фронтир 2017; Калашиников, Будилов 2019]. Эта логика переносится и на калининградский социум, который описывается либо как балансирующий между традиционалистскими и модернистскими ценностями [Кузнецов 2017], либо как лиминальный, отличающийся по своим представлениям и практикам и от соседних европейских стран, и от «материковой» России [Гаврилина, Андрейчук 2008; Гаврилина 2013; Левкина, Алимпиева 2015; Задорин 2018; Мартынова, Григорьева 2018]. Своеобразное «двоемирие» порождает двусмысленность. На уровне государства она преодолевается с помощью политики секьюритизации, необходимость которой обосновывается близостью границ, стран НАТО и разгорающимися «битвами» исторической памяти, а на уровне обычного человека – постоянной рефлексией по поводу того, «кто я такой и как я хочу, чтобы меня воспринимали» [Берендеев 2007; Klemeshev et al. 2017]. Взгляд на калининградский социум как пребывающий в состоянии «между» и в ситуации постоянного выбора хорошо согласуется с концепцией транскультурного пограничья, предложенной Глорией Ансальдуа [Anzaldúa 2012]. Ее центральный тезис связан с пластичностью человека на границе культур, выживающего за счет использования преимуществ соседства и нередко переступающего через моральные нормы и правила ради достижения собственных целей. Неоднозначность этой практики и возникающий душевный дискомфорт провоцируют яростную критику всего того, что не устраивает индивида в личной судьбе. С аналитической точки зрения концепция транскультурного пограничья, ставшая результатом многолетних наблюдений на мексикано-американской границе, отвечает, хотя и с оговорками, специфике Калининградской области – российского эксклава в окружении стран – членов ЕС. Однако причина, по которой мы о ней упомянули, состоит не в стремлении с ее помощью объяснить процессы, происходящие в российском регионе, встроив их в общую теоретическую рамку, а, напротив, в желании отстраниться от навязываемой ею логики и сфокусироваться на иных аргументах.

Основное внимание в статье уделено значительной внутренней неоднородности Калининградской области. Цель статьи – показать многообразие контекстов формирования калининградской идентичности, несводимых к феноменам

пограничности и лиминальности. Это не означает, что мы стараемся исключить эти факторы из анализа, скорее, мы стремимся более корректно обозначить их локализацию в пределах определенных социальных страт и ареалов, подчеркнув значение других сторон жизни региона.

Теоретико-методологическая база исследования

Приступая к исследованию, мы исходили из наличия значимой связи между взглядами индивидов и характеристиками социально-экономической среды, в которой они живут. Непосредственный опыт и повседневные практики жителей Калининградской области влияют на их мировоззрение не меньше, чем специфика геополитического положения региона и близость границ. Поэтому, на наш взгляд, анализ структуры и смыслов калининградской идентичности должен предваряться изучением локального контекста ее формирования, включающего три ключевых измерения: экономико-географическое, социальное и культурное. Экономико-географический контекст предполагает выявление общих тенденций локального развития, социальный – субъективных оценок благополучия, а культурный – коллективных установок и убеждений, влияющих на поведение людей и отличающих одни группы от других.

Исходя из этой логики, на первом этапе исследования была создана типология муниципалитетов Калининградской области, которая учитывала ключевые социально-экономические показатели территориального развития и факторы географического положения. В ее основу были положены идеи, сформулированные в рамках концепции «узловых» районов [Родоман 1999; Родоман 2002; Смирнягин 1989; Смирнягин 2011], и эмпирический опыт Е.Е. Лейзеровича по мезорайонированию страны. В своей фундаментальной работе Е.Е. Лейзерович широко использовал экспертный подход, совмещал хозяйственные, позиционные и сетевые принципы пространственной типологии, учитывал возможность одновременного существования на одной территории узловых и однородных районов [Лейзерович 2004]. Следующим шагом стало проведение опроса населения с целью проверить гипотезу о наличии значимых различий в настроениях и взглядах жителей выделенных типологических ареалов. Опрос прошел в октябре 2020 г.¹; использовался метод личных интервью по месту жительства. Репрезентативность выборки обеспечивалась трехступенчатым отбором респондентов в соответствии со структурой генеральной совокупности населения; контролировались пол, возраст и уровень образования; было опрошено 475 жителей Калининграда, 308 – городов области и 217 – сельских поселений. Доверительная точность данных составила 95% при ошибке выборки 2,84%. Все точки опроса фиксировались интервьюером, что при дальнейшем анализе позволило сопоставить результаты опроса и типологии муниципальных образований. Анкета, предлагаемая респондентам, включала в себя несколько тематических блоков: социальное самочувствие, ценности, идентичность, оценка жизненных перспектив, безопасность, настроения, трансграничные практики и сравнения, удовлетворенность положением дел в регионе и своем насе-

¹ Опрос проводился социологическим агентством «Калининградская мониторинговая группа», имеющим большой опыт работы в области.

ленном пункте. Также респондентам предлагалось выбрать близкие им по смыслу трактовки использованных в опросе определений и понятий.

Составляя опросник, мы опирались на методики, разработанные в рамках крупнейших международных сравнительных исследований *World Values Survey* (WVS) и *European Social Survey* (ESS)². Нами использовался один из центральных тезисов научного руководителя WVS Рональда Инглхарта о ключевом влиянии ощущения экзистенциальной безопасности на представления и поведение индивидов [Инглхарт, Вельцель 2011; Inglehart 2018]. В случае Калининградской области этот тезис обретает дополнительный смысл, учитывая ее геополитическое и геостратегическое положение. Особое внимание было уделено субъективному благополучию жителей разных типов муниципальных образований как показателю, интегрирующему материальную и эмоциональную стороны жизни людей, индикатору соответствия повседневных практик ценностным ориентирам и баланса между необходимостью выживания и потребностью в самореализации. Индекс субъективного благополучия рассчитывался по несложной методике, использованной в WVS [Inglehart et al. 2013]. Сходный подход использовался при анализе всех шкалированных вопросов анкеты и вычислении соответствующих индексов: материального благополучия, успешности, безопасности, комфортности городской среды и прочих. Например, для определения индексов коллективных и личных настроений респондентам предлагался набор из 16 характеристик эмоционального состояния человека в диапазоне от надежды и радости до растерянности и отчаяния, а также от гордости за свой народ до чувства стыда за происходящее в стране. Необходимо было выбрать ответы, соответствующие представлениям респондентов об эмоциях, разделяемых жителями города (поселка), а затем о своих личных ощущениях. Индекс рассчитывался как разница между частотой выбора позитивных и негативных эмоций. Значительные расхождения индекса личных настроений и индекса, отражающего представления индивида о настроениях окружающих людей, рассматривались нами как указание на непривлекательность для индивида самоидентификации с местным социумом и поиск альтернативных принадлежностей.

Для интерпретации результатов опроса использовалась параметрическая модель изучения региональных культур [Hofstede 2011; Шеварц 2008; Schwartz et al. 1999; Davidov et al. 2018]. Ее преимуществом является взгляд на культуру как своего рода принуждающую силу, влияющую в каждом конкретном случае на расстановку ценностных приоритетов, а слабостью – недоучет культурной продуктивности личности. Кросс-культурный подход использовался для сравнения муниципальных образований разного типа. Мы не были уверены в его эвристической продуктивности на субрегиональном уровне, но все-таки предприняли попытку оценить отклонения локальных ценностных приоритетов и других индикаторов, отражающих настроения и восприятие людей, от уровня, характеризующего Калининградскую область в целом. Забегая вперед, отметим, что этот опыт оправдал себя: вариативность отклонений указывала на субкультурные отличия и зависела от особенностей повседневного быта, благосостояния, укорененности и мобильности людей, опыта трансграничных контактов и формирующихся под их влиянием представлений и ощущений. Мы также осознавали, что количественной

² Эмпирические результаты многолетних наблюдений, полученные в рамках этих исследований, находятся в открытом доступе: WVS // www.worldvaluessurvey.org; ESS // www.europeansocialsurvey.org

социологии, равно как единичного опроса, недостаточно для глубокого проникновения в суть изучаемой проблемы, но полагали, что собранные материалы послужат хорошей базой для рассуждений о субрегиональных различиях как контекстуальном факторе, влияющем на структуру и смысл калининградской идентичности.

Типология муниципальных образований

Типология – это способ упорядоченного описания некоторого множества объектов на основании выбираемых признаков. В случае муниципальных образований Калининградской области известны типологии по таким критериям, как экономико-демографическая ситуация [Кузнецова 2016; Кузнецова, Сибирева 2020], уровень жизни населения [Лялина 2020], доля молодежи [Мкртчян, Карачурина 2014], близость побережья [Федоров и др. 2017], особенности стратегического планирования [Погребняков 2014] и электоральных предпочтений [Кришталь 2018]. Несмотря на разнообразие типологий, их авторы сходятся во мнении о ярко выраженном центр-периферийном градиенте территориальной организации региона. Роль центра по всем параметрам принадлежит Калининграду, а периферии – шлейфу муниципальных образований. При движении на восток и северо-восток от региональной столицы значение практически всех рассматриваемых индикаторов, кроме, может быть, состояния природной среды, ухудшается.

Несколько особняком стоит районирование Е.Е. Лейзеровича. Группируя муниципалитеты области, он дополнил демографические и социально-экономические критерии представлениями об историко-географических провинциях, которые, с его точки зрения, характеризовались относительным единством природных условий, хозяйства и образа жизни населения [Лейзерович 2004]. Е.Е. Лейзерович выделил приморскую часть области, район Принеманья и региональную «глубинку» или «внутреннюю периферию» (если следовать терминологии Б.Б. Родомана и В.Л. Каганского [Родоман 2014; Каганский 2012]). Сконструированные им экономические микрорайоны были относительно свободны от давления центр-периферийной логики, но подчинены идее преемственности моделей развития в силу их «объективной обусловленности» и неслучайности.

Несмотря на разнообразие предложенных типологий и их научную ценность, ни одна из них в полной мере не отвечала задачам проводимого исследования. Даже при самом поверхностном взгляде на регион видно, что центр-периферийный паттерн организации его пространства нарушается целым рядом обстоятельств. Во-первых, приморским положением Калининградской области: на побережье исторически сложился морской укрепленный форт, ставший в послевоенные годы военно-морской базой Балтийского флота России, а ряд населенных пунктов еще в XIX в. обрел курортную специализацию и значение, выходящее за пределы области. Во-вторых, государственными границами, окружающими область со всех сторон: в случае оживленных участков границы этот фактор стимулирует локальное развитие, придавая пограничным пунктам пропускной функции центров, а в случае удаленной сельской глубинки, напротив, усугубляет негативные последствия периферийности. В-третьих, «шрамами» предыдущих волн модернизации и исторических эпох: в пространстве региона хорошо различимы устаревающие

производства, очаги хозяйственной деградации, заброшенная инфраструктура и разрушающиеся поселения, чья хозяйственная реабилитация требует значительных финансовых ресурсов, политической воли и управленческих усилий. Однако рыночная логика развития, связывающая инвестиционную привлекательность с минимизацией издержек, предполагает выделение новых площадок под современные проекты. В результате даже в масштабе небольшой области возникают т. н. очаги роста и «черные дыры» [Трейвиш 2009; Нефедова 2012; Нефедова 2013].

Возражение вызывали и микрорайоны, определенные Е.Е. Лейзеровичем. Несмотря на утверждения, что они «даны в онтологии независимого существования», а не управленческого произвола [Каганский 2007, с. 81], трудно было предположить, что сменившееся в послевоенные годы население Калининградской области воспроизвело социально-хозяйственный уклад жизни своих предшественников под влиянием природной и материальной среды.

Высказанные соображения побудили нас скорректировать существующие типологии с учетом задач исследования. Вслед за Б.Б. Родоманом мы исходили из принципа «относительности и повсеместности» проявлений центральности и периферийности [Родоман 2014, с. 144], наличия в Калининградской области нескольких неравнозначных, но важных и функционально различающихся ядер территориальной организации, а также учитывали различие траекторий постсоветского развития ее муниципалитетов. Имеющиеся статистические данные, претендующие на объективность, сопоставлялись с описательными характеристиками, экспертными оценками, частными мнениями и визуальными впечатлениями. Были учтены (1) демографические показатели (состав и динамика населения, особенности его воспроизводства и миграционных процессов); (2) индикаторы достигнутого уровня жизни, структуры и размера доходов домохозяйств; (3) индексы динамичности публичной сферы муниципальных образований (ввод жилья, динамика рынка труда, структура и объем налогов, уровень развития малого бизнеса, безопасность жизни и правонарушения); (4) интенсивность транспортного сообщения, связанность населенных пунктов и временная доступность для местных жителей столицы региона, локальных центров, побережья и пограничных пунктов пропуска. Экспертным образом на основании личных наблюдений и проводившихся ранее исследований оценивались состояние городской (поселковой) среды и настроения людей. Сопоставив все показатели, мы пришли к выводу о наличии 6 типологических ареалов, репрезентируемых локальными центрами и тяготеющими к ним сельскими населенными пунктами (*рисунк 1*). Разделяющие их условные границы размыты, не поддаются четкому выделению и далеко не в полной мере совпадают с принятым административным делением.

Безусловно, главным центром области является ее столица – Калининград: в городской агломерации проживает около полумиллиона человек и генерируется порядка 80% выручки региональной экономики [Михайлов и др. 2019]; активно ведется жилищное строительство; происходит рост населения за счет притока внешних и внутренних мигрантов; развитие малого бизнеса и предпринимательской деятельности обеспечивает экономическую динамику и наиболее высокие душевые доходы. Вместе с тем калининградская агломерация крайне неоднородна: ее историческое ядро характеризуется плотной городской застройкой, высоким уровнем разнообразия и деловой активности, а урбанизованная периферия представляет собой типичную спальную окраину, сочетающую жилые

и отдельные транспортно-производственные функции. Несмотря на сращивание города и его ближайших пригородов, эти две территориальные сущности значительно различаются по многим параметрам социальной среды и экономической жизни. Агломерационное единство является скорее производной от рынка недвижимости и деятельности строительного бизнеса, нежели отражает однородность социального пространства. Поэтому мы сочли нецелесообразным типологическое объединение Калининграда и его агломерированных пригородов, отнеся их к разным категориям.

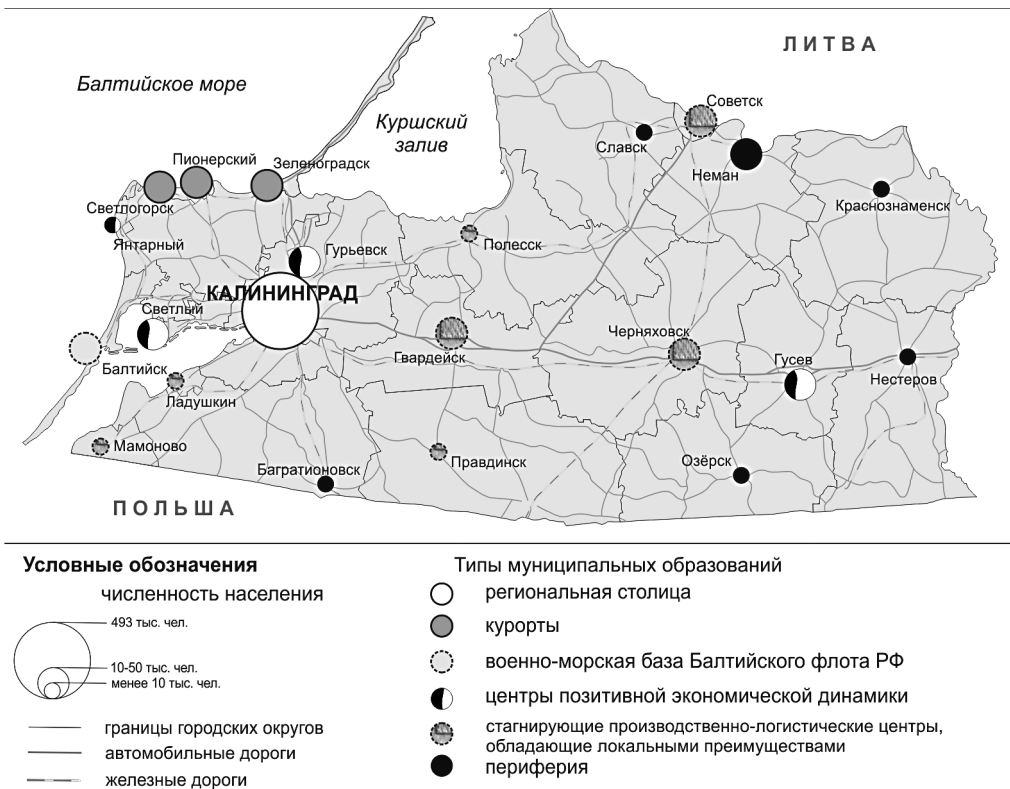

Рисунок 1. Типологические различия городских округов Калининградской области, организующих ее социально-экономическое пространство

Другой отчетливо выделяющийся тип муниципальных образований – сплошная прибрежная полоса курортных городов и поселков, протянувшаяся от границы с Литвой на Куршской косе до живописного пляжа Филинской бухты. Их туристическая привлекательность – движущая сила развития малого бизнеса, обеспечивающего досуг отдыхающих. В последнее десятилетие Светлогорск, Зеленоградск и Пионерский стали центрами притяжения для вышедших на пенсию жителей Москвы, Санкт-Петербурга и крупных городов ряда ресурсных регионов. Этот тренд

крайне неоднозначно сказался на локальной социально-экономической ситуации: платежеспособный спрос на жилье породил строительный бум, который в свою очередь привел к инвестиционной скупке квартир в новостройках и разрастанию рентного сектора туристической экономики. Курортные поселки столкнулись с резким ростом численности населения и оказались в ситуации перенапряжения всех сфер социальной жизни.

Балтийский городской округ был выделен нами в отдельный тип в силу своей функциональной специфики. Несмотря на статистическое сходство многих социально-экономических характеристик Балтийска с другими городами области, его жизнь подчинена интересам государственной безопасности, военной службы и базы Военно-морского флота. Этот фактор обеспечивает стабильную численность населения города, влияет на его возрастной и социальный состав, структуру занятости и доходы, градостроительную политику (ограничения по размещению объектов) и прочее.

Индикатором, позволившим нам дифференцировать остальные городские округа, является состояние локальных рынков труда в диапазоне от «растущих» до «сжимающихся». В первую категорию попадают муниципалитеты, которые характеризуются устойчивой демографической ситуацией, наличием отраслей специализации и активно пытающиеся развивать свою экономику, используя для этого разные средства. В отличие от курортных городов и поселков, они не образуют единой зоны, это, скорее, очаги относительного экономического роста. Так, например, Светловский городской округ, сформировавшийся как промышленный центр еще в советские годы (вылов и переработка рыбы, судоремонт), сегодня стал выполнять новые индустриальные функции (обслуживание комплексного нефтяного терминала, глубокая переработка маслосодержащих культур, производство кранов и оборудования). Поселок Янтарный, расположенный вблизи крупнейшего в мире месторождения янтаря (90% мировых запасов), имеет статус моногорода, его администрация пытается диверсифицировать городскую экономику с помощью туризма. К типу «растущих рынков» относится и ближняя субурбия Калининграда – Гурьевский городской округ с его классическими пригородными функциями в сфере жилищного строительства и АПК. Схожую динамику демонстрирует и находящийся на востоке области г. Гусев, где предпринята попытка индустриальной модернизации и запуска абсолютно новой для города специализации в сфере электроники и телекоммуникаций.

Промежуточный тип составляют значимые производственно-логистические центры советского времени – зоны прежних инвестиций и ныне устаревающих производств. Здесь были накоплены достаточный инфраструктурный потенциал и человеческий капитал, который, несмотря на произошедшую девальвацию, все еще является ресурсом локального развития. Сочетание факторов прежнего багажа и пространственной позиции (близости к областному центру, оживленным участкам границы и главным транспортным узлам) позволяет этим территориям «держаться на плаву», вписываясь в среднестатистическую картину социально-экономического развития области. К данному типу относятся муниципалитеты, расположенные в центральной части региона – Черняховский, Гвардейский, Ладужинский, Мамоновский, Полесский, Правдинский городские округа; также сюда был отнесен Советск – исторический город и крупный транспортно-промышленный узел на границе с Литвой.

Последний тип представляет довольно обширная периферия, к которой, скорее, применимы принципы однородного, а не узлового районирования. Используя термин «периферия», мы имеем в виду не только пространственную дихотомию «центр/окраина», но и свойственные периферии черты жизненного уклада, выражающиеся в экономической стагнации, снижении уровня разнообразия услуг и возможностей, оттоке населения и наличии признаков социокультурной архаики. Важно отметить, что перечисленные признаки застоя можно обнаружить не только в т. н. медвежьих углах; агломерированные окраины мегаполисов нередко оказываются в социокультурном смысле более периферийными, нежели центры, удаленные от столиц [Каганский 2012; Родоман 2014]. В предлагаемой нами типологии в категорию «периферийных» попали депопулирующие городские округа Калининградской области с низким уровнем доходов населения, усеченным функциональным профилем и рынком труда: Багратионовский, Краснознаменский, Неманский, Нестеровский, Озерский, Славский. Отсутствие конкурентных преимуществ, относительная удаленность от Калининграда и использование населением подручных способов выживания (от огорода до теневой трансграничной торговли подакцизными товарами) формируют здесь ареал депрессивности.

Таким образом, наиболее дифференцированной по выбранным критериям оказалась западная часть территории области, тяготеющая к побережью, где сосредоточены основные центры, организующие ее социальное, административно-хозяйственное и политическое пространство, наименее – приграничная периферия, удаленная от побережья и регионального центра. Столь ярко выраженная пространственная асимметрия между компактной зоной высокой динамики и остальной территорией области своеобразным образом отражается в общественном сознании. В ходе исследования при общении с экспертами нам неоднократно приходилось слышать мнение о «тесноте» жизненного пространства региона. Однако в разговоре выяснялось, что фактическая мобильность людей ограничивалась пределами приморского кольца, ментальная карта области редуцировалась до весьма ограниченного пространства, что и создавало ощущение тесноты. Такая селективность восприятия ярко подчеркивает значимость интерпретации людьми обстоятельств собственной жизни как одной из составляющих контекста формирования их идентичности.

Культурное единство и культурная неоднородность

Социально-экономическая дифференциация пространства Калининградской области, нашедшая отражение в типологии муниципальных образований, еще не означает культурной неоднородности региона. Его население, несомненно, принадлежит российскому культурному континууму, на что указывают общность языка, исторического опыта, системы образования, практик социализации и семейно-дружеские связи. Несмотря на все региональное своеобразие, калининградцам свойственны те же взгляды и убеждения, что и большинству россиян [Klemeshev et al. 2017; Кузнецов 2017; Дрейф общественного мнения 2019]. Здесь, как и везде в России, крепкая семья и стабильность ценятся выше интересной работы, независимости и возможностей самореализации, а традиционно-консервативные взгляды разделяются большим числом людей, нежели свойственные современному

постматериалистическому миру. На культурное единство региона работают и внутренние факторы – наличие постоянных межселенных и межгрупповых коммуникаций, обеспечивающих циркуляцию мнений и разного рода нарративов, от административных предписаний до «сарафанного радио». Поэтому, обращаясь к теме культурных различий локальных сообществ, мы исходили из представления о значительном структурном сходстве свойственных им ценностных систем. Основное внимание при анализе данных опроса уделялось отклонениям от выявленной иерархии приоритетов, а не позиционным характеристикам местных социумов в системе координат, образуемой осями «ценности выживания/самовыражения» и «традиционность/современность» [Инглхарт, Вельцель 2011; Кузнецов 2017]. Наличие значимых отклонений рассматривалось нами как фактор, одновременно отражающий и влияющий на поведенческие установки людей (таблица 1).

Первое, что обращает на себя внимание при сравнении усредненных характеристик Калининградской области с местными предпочтениями, – это значительная близость параметров региона и его столицы и не менее значимые отклонения от среднего для нестоличных ареалов. В этом не было бы ничего удивительного, если бы подавляющая часть регионального населения проживала в главном городе и сообщество горожан определяло бы доминирующие мнения, однако это не так. Калининград – крупнейший город области, концентрирующий почти половину ее населения, но его вторая половина рассредоточена и проживает в других населенных пунктах, преимущественно малых городах и поселках городского типа. При этом лишь с известной степенью осторожности можно рассуждать о жителях Калининграда как солидарном городском сообществе, характеризующемся общностью взглядов и мнений. Несмотря на то что система убеждений, сложившаяся в Калининграде, не может не влиять на стиль мышления всех остальных, транслируемые жителями регионального центра установки не обеспечивают мировоззренческого единства регионального социума. Более правдоподобным выглядит иное предположение: социокультурное пространство Калининградской области характеризуется выраженной фрагментарностью и наличием локальных субкультур, обладающих влиятельностью и некоторой автономностью. Похоже, что это качество сохраняется не только на уровне региона, но и его главного города, стягивающего на себя местное население. В обоих случаях мы сталкиваемся с механическим смещением взглядов и представлений людей, что и объясняет наблюдаемое параметрическое сходство ценностных систем. Другими словами, влияние местной «провинции» на местную «столицу» значительнее, чем «столицы» на «провинцию». Это утверждение справедливо как минимум для ситуации, сложившейся в 2020 г.

Прибегая к понятию «субкультура», мы имеем в виду стилевые различия в образе жизни и представлениях людей, отчетливо проявляющиеся на групповом уровне и возникающие под давлением местных обстоятельств, социально-профессионального состава населения, его запросов и продуцируемых социальных порядков. Субкультура рассматривается нами не в смысле приверженности определенным обычаям, модам, языковым практикам, ролевым репрезентациям или принадлежности к возрастным группам, а с точки зрения потребностей простого человека, его привычек, убеждений, надежд и чаяний. Так, повышенный спрос на стабильность и защищенность предъявляется прежде всего жителями наиболее динамично развивающихся и быстро меняющихся городских округов. Для Балтийска важны все оттенки проявлений любви, что в совокупности с равнодушием к бытовому комфорту

отражает одну из главных проблем военных гарнизонов – неустроенность жизни офицерских жен и избыток культуры маскулинности. В курортных городах все обстоит с точностью до наоборот: здесь люди тяготеют к комфорту и не страдают от недостатка любви, при этом многие стремятся к самореализации и рассматривают свои увлечения как жизненный приоритет. Ценность денег и достатка выше в инвестиционно-привлекательных муниципалитетах, а значимость спокойной совести как антипода стяжательства актуальнее в экономически застойных.

Таблица 1. Различия структуры ценностных приоритетов жителей разных типов муниципальных образований Калининградской области

Что Вас делает счастливым человеком или чего Вам не хватает для счастья?	Калининградская область, %	Региональная столица: Калининград	Военно-морская база: Балтийск	Курорты: Зеленоградск, Светлогорск, Пионерский	Зоны экономического роста: Гусев, Светлый, Янтарный, Гурьевск	Зоны экономической стагнации: Черняховск, Гвардейск, Советск и другие	Периферия: Багратионовск, Озерск, Нестеров, Неман, Краснознаменск и другие
		Отклонение от среднего для области, процентные пункты*					
Дети, внуки	49	-2	2	-12	1	6	5
Взаимопонимание в семье	46	-4	11	-4	4	3	7
Стабильность, защищенность, уверенность в завтрашнем дне	35	6	-32	21	6	-17	-10
Творчество, самореализация, увлечения, хобби	25	-4	-9	19	-5	-10	-10
Общение с близкими, друзьями, знакомыми	25	-4	2	-6	6	6	4
Спокойная совесть	22	-2	-19	-8	0	8	8
Уважение окружающих	22	-6	-17	-17	14	4	15
Комфорт в быту	21	4	-18	16	2	-5	-11
Деньги, достаток	21	-2	-7	5	7	0	-1
Любовь	20	1	7	-8	3	-4	-6
Чувство собственного достоинства	18	1	-13	-6	1	1	-3
Отдых, путешествия, новые впечатления	17	2	-17	-10	3	2	-6
Интересная работа	15	1	4	11	1	-2	-9
Свобода, независимость	11	1	-6	12	-5	1	-4
Домашние животные	7	0	15	5	0	0	-3

* В таблице приведены только те ценностные приоритеты, которые выбирались не менее 20% респондентов хотя бы в одной из типологических групп населенных пунктов Калининградской области. Учитывая доверительную точность опроса, значимыми считались отклонения от средних значений на не менее чем 4 процентных пункта.

В пользу тезиса о наличии локальных субкультур говорит и различие трактовок многих значимых ценностных категорий в зависимости от меняющихся обстоятельств. Хотя на основании опроса трудно судить о подобных смысловых трансформациях, все-таки ответы респондентов дают некоторые свидетельства происходящих сдвигов. В качестве примера приведем различия в локальных интерпретациях понятия «социальная справедливость». В условиях сравнительного экономического роста и позитивности личных настроений преимущество отдавалось трактовке социальной справедливости как «равенству возможностей». Однако сопутствующие экономическому росту имущественное расслоение и контрасты в уровне потребления одновременно вели к росту числа респондентов, отрицающих социальную справедливость как таковую. Уравнительная модель справедливого общества, где нет «ни бедных, ни богатых», была популярна в ситуации экономического упадка. Взгляд на справедливость как неизбежное возмездие и «равенство всех перед законом» оказался распространен среди пессимистически настроенных жителей курортов и бывших центров экономического роста (42–44% ответов). Можно продолжить приводить примеры ситуативной актуализации смысловых артикуляций жизненно важных категорий, таких как «успех», «уважение», «совесть» и прочее, но с позиции нашего исследования важно другое. Даже в таких компактных регионах, как Калининградская область, возможно проведение кросс-культурных сравнений, опирающихся на анализ локальных мировоззренческих различий. Культура в данном контексте предстает не только как внешняя принуждающая сила, обеспечивающая единство регионального социума, но и как продукт повседневной рефлексивной практики людей, продуцирующей различия.

Субъективное благополучие

Субъективное благополучие – это сложный и противоречивый индикатор, тесно связанный с социально-психологической атмосферой локальной жизни, ее постоянным и неустраняемым фоном. Влияет на него и состояние местной экономики: как правило, экономический рост, затрагивающий широкие слои населения, способствует распространению социального оптимизма и снижению роли ценностей «выживания», а экономическая деградация, напротив, приводит к деморализации и недовольству. Проведенный нами опрос частично подтверждает этот тезис. Жители Калининградской области, будучи вполне жизнерадостными людьми, склонными позитивно оценивать собственную успешность и перспективы, одновременно описывают окружающую их реальность в черных тонах, полагая, что в местном социуме царят пессимизм, безнадежность и уныние (таблица 2).

Контрастность мнения людей о собственных и коллективных настроениях особенно ярко проявляется в городах, утрачивающих свое бывшее значение и сентиментальный флер восприятия, на что указывают такие уничижительные наименования, широко используемые местными жителями в повседневной практике, как «Черняга» (Черняховск) или «Совок» (Советск). Конечно, в каждом из этих городов существуют многие исключения, и если персонально беседовать с людьми, то обнаружатся и любовь «к родному пепелищу», и локальный патриотизм.

Таблица 2. Характерные различия локальных социумов Калининградской области

	Местные уроженцы, %	Никогда не выезжали за рубеж, %	Индекс материальной обеспеченности семьи	Индекс комфортности городской среды	Дружелюбная атмосфера в городе, поселке, %	Индекс позитивности отношения к своему городу, поселку	Индекс успешности	Индекс удовлетворенности жизнью ²	Индекс счастья ³	Индекс субъективного благополучия ⁴	Индекс безопасности	Индекс настроений в локальном социуме	Индекс личных настроений
Калининградская область	53	50	21	22	30	19	26	44	53	49	61	- 35	14
Региональная столица: Калининград	51	40	20	47	15	61	28	56	47	52	63	- 33	10
Военно-морская база: Балтийск	43	41	51	- 41	8	- 47	22	30	65	48	65	85	55
Курорты: Зеленоградск, Светлогорск, Пионерский	65	58	42	40	9	50	0	63	19	41	42	- 71	- 52
Зоны экономического роста: Гусев, Светлый, Янтарный, Гурьевск, Взморье	52	46	22	25	47	1	33	45	63	54	54	- 14	17
Зоны экономической стагнации: Черняховск, Гвардейск, Советск, Мамоново и другие	48	68	18	- 6	41	- 20	23	22	64	43	55	- 63	12
Периферия: Багратионовск, Озерск, Нестеров, Неман, Краснознаменск и другие	63	69	8	- 21	61	- 46	21	28	55	42	69	- 42	28

¹ Индекс определялся как разница между долей «нуждающихся» и долей «более обеспеченных», выраженная в процентных пунктах. Не учитывались сравнительно малочисленные категории субъективно «бедных» и «богатых», а также «средняков», которым денег хватает на продукты питания и одежду, но которым нужно копить на покупку предметов длительного пользования. Во всех точках наблюдения, за исключением Балтийска, доля данной категории находилась на уровне 42–43%. Аналогичный подход использовался в случае вычисления Индекса комфортной городской среды, отражающего разницу в частоте выбора предлагаемых позитивных и негативных оценок своего города.

² Удовлетворенность жизнью оценивалась респондентами по 10-балльной шкале, где «0» соответствовал градации «совершенно не удовлетворен», а «10» – «полностью удовлетворен». Интегральное значение индекса вычислялось как разница между процентом тех, кто помещает себя в диапазоне выше среднего, т. е. с 7-го по 10-й пункты, и теми, кто помещает себя значительно ниже среднего, в диапазоне с 0-го по 4-й пункты.

³ Индекс счастья вычислялся как разница в частоте выбора позитивных и негативных ответов, исходя из 4-ступенчатой шкалы самооценки: «определенно счастливый», «скорее счастливый», «скорее несчастливый» и «определенно несчастливый».

⁴ Индекс определялся по методике, предложенной в WVS, как среднееарифметическое между индексом счастья и индексом удовлетворенности жизнью.

Тем не менее опрос показывает, что доминирует ощущение принадлежности к неблагоприятному социуму. Стремление оградить себя от «бациллы неуспешности» ведет к социальному отчуждению, принимающему разные формы – от «ухода в семью» до миграционных установок и смены места жительства. Результатом бегства от реальности становится нарастание значимости ценностей «выживания», связанных с ближним жизненным кругом, локальными привязанностями, соседской взаимопомощью и уважением окружающих, что приносит свои плоды. Несмотря на отсутствие иллюзий в отношении реального положения дел и личной неустроенности, бытовые заботы и достижимость повседневных целей формируют веру в себя и представления о собственной успешности. Само понятие «успех» ассоциировалось респондентами с «трудом на своем месте» и определением «заслуженный», что повышало самооценку, сколь скромными ни были бы сами достижения; неудовлетворенные качеством жизни люди, тем не менее, ощущали себя счастливыми.

Менее очевидная ситуация складывается в случае позитивной экономической динамики и более высокого уровня материального благосостояния. Логика «чем лучше живем, тем лучше себя ощущаем» нарушается примерами Балтийска и прибрежных курортов. Оба типа муниципальных образований характеризуются повышенными значениями достатка и сниженными значениями субъективного благополучия. Их население, демонстрируя одни из наиболее высоких показателей удовлетворенности жизнью, не чувствует себя ни успешными, ни счастливыми. Еще одним признаком сходства этих очень разных муниципалитетов является то, что их жители не противопоставляют себя местному социуму и ориентируются на него. Однако в случае курортов ощущение локальной принадлежности базируется на негативных эмоциях, а Балтийска – на позитивных.

Предположим, что феномен курортного пессимизма можно объяснить раздражением людей, будни которых протекают в атмосфере чужого праздника. Двойственное чувство вовлеченности в жизнь отдыхающих и одновременно исключенности из нее дестабилизирует местный социум, снижает индивидуальную самооценку. Возникающую фрустрацию усугубляет высокая скорость социально-экономических перемен, связанная с интенсивным строительством на побережье, инвестиционной скупкой недвижимости и массовым притоком населения. Дружелюбная среда курортных городков с их цветами, променадами, уличными кафе и магазинчиками, столь милая на взгляд приезжих, воспринимается местными жителями как оккупированная территория (роль «оккупантов», как правило, приписывается москвичам). В самооценках респондентов сквозит фатализм: 33% опрошенных в курортной зоне заявили, что важным фактором успеха является «место рождения» и 28% – «везение и случай»; те же индикаторы для области в целом составляют 8 и 16% соответственно. Другими словами, среди жителей курортных городов довольно популярно представление об изначально низких шансах в конкуренции за место под солнцем. Этот стресс настолько силен, что обрушивает индекс личных настроений до глубоко негативных значений. Люди не питают надежд не только на себя или государство, но и на некую неведомую силу, благодаря которой «все будет хорошо».

Балтийск, жителей которого связывают не только соседские, но и служебные отношения, представляет иной вариант ситуации – «живем хорошо, но чувствуем себя плохо». Город характеризуется наименьшей поляризацией доходов

и наибольшей однородностью мнений. Судя по ответам респондентов, им присущ социальный оптимизм, несмотря на неудовлетворенность жизнью, сожаления по поводу запущенности города, низкого уровня дружелюбности и комфортности его среды, что невольно вызывает подозрения в лукавстве. Похоже, что люди, связанные с военной службой, предпочитают не высказываться откровенно, опасаясь, что их искренность может быть истолкована как нелояльность и повлечет за собой увольнение, потерю репутации и достатка. Подобное саморедактирование крайне негативно сказывается не только на результатах проводимых исследований, но и на отношениях в местном социуме, порождая атмосферу взаимного недоверия. Учитывая, что субкультура военного гарнизона представлена во многих муниципалитетах Калининградской области, можно предположить, что порождаемое ею сочетание официозного оптимизма и подозрительности значительно влияет на локальные умонастроения: чем слабее действует принуждение к оптимизму, тем сильнее проявляется ее негативное влияние.

Калининград, пожалуй, является единственным местом, где индекс субъективного благополучия выглядит сбалансированным. Сравнительную удовлетворенность жителей города достигнутым уровнем жизни (в отличие от приграничной периферии, где число условно «зажиточных» равно числу условно «бедных» – 27 и 25% соответственно, в региональном центре это соотношение составляет 38 и 17%) подкрепляет возможность пользоваться преимуществами плотной, разнообразной и комфортной среды. Однако не все так однозначно, поскольку Калининград – не самое дружелюбное место для жизни. С одной стороны, это естественное следствие масштаба: чем крупнее город, тем более анонимными и менее близкими являются соседские отношения. С другой стороны, дефицит дружелюбности в Калининграде означает слабость горизонтальных связей, которые, согласно принципам «горожанства», должны быть достаточно развитыми. Нельзя однозначно утверждать, что город враждебен своим жителям, но многие из них только осваивают его социальное пространство, слабо ощущают свою принадлежность к городскому социуму и опираются на иные основания самоидентификации, обращаясь либо к своим «корням», либо к иным «воображаемым сообществам»: политическим, территориальным, профессиональным и прочим. Тем более что миграционная привлекательность Калининграда, значительный контингент моряков, военнослужащих и пограничников, а также соседство с европейскими странами и богатая история города предлагают разнообразие возможностей самоидентификации, позволяющих человеку найти самого себя. Следствием плюрализма оснований самоидентификации становятся ослабление культурной определенности и социальная разобщенность, которые подрывают субъектность городского социума, превращая его в объект разнообразных влияний. Данный феномен связывается исследователями с «гарнизонностью» региона, большим количеством приезжих, распространенностью психологии временщиков и неустойчивостью ценностных ориентиров местных жителей [Гаврилина, Андрейчук 2008; Андрейчук, Гаврилина 2011; Левкина, Алимтиева 2015; Мартынова, Григорьева 2018; Калашников, Будилов 2019]. Поэтому естественно задать вопрос о вкладе укорененности и мобильности членов местных сообществ в интегральную оценку субъективного благополучия и рассмотреть данные параметры в качестве факторов, влияющих на мировоззренческую составляющую локального контекста формирования идентичности.

Укорененность

Калининградскую область принято описывать как переселенческий регион, подчеркивая отсутствие коренных *жителей*. Хотя собственно переселение – замещение немецкого населения советским, преимущественно русскими – состоялось в первые послевоенные годы, это событие столь значительно сказалось на самосознании калининградцев, что его влияние ощущается до сих пор [Мартынова, Григорьева 2018]. История переселенцев и регулярное воспроизведение нарратива о переселенческом регионе оттесняют на периферию общественного сознания факт постоянного роста числа и доли местных уроженцев на периферию общественного сознания. Согласно переписи 2010 г., местные уроженцы составили более половины жителей Калининградской области, к 2015 г., по оценкам экспертов, это значение поднялось до 60% [Абылкаликов, Сазин 2019, с. 40–41]. Среди молодых поколений данный показатель еще выше: местными уроженцами являются 82% родившихся в 1980–1984 гг., и уже 91% – в 1990-х гг. [Абылкаликов, Сазин 2019, с. 41]; похожие цифры дают и социологические опросы [Российский фронт 2017; Дрейф общественного мнения 2019]. Все исследования, включая наше, показывают: калининградцы считают область «своей землей» и чаще ассоциируют ее с «родным краем», нежели с «островом» или «анклавом», поэтому укорененность местного населения является состоявшимся фактом, а не категорией пожеланий.

Говоря об «укорененности», мы вкладываем в это понятие социологический, а не этнографический смысл, связывая с ним длительность проживания в конкретном месте, наличие родственных и дружеских связей и всего того, что создает у человека ощущение принадлежности к определенному территориальному сообществу. Наиболее простой индикатор укорененности – суммарная доля местных уроженцев и старожилов, живущих в регионе не менее 30 лет. В Калининградской области по данному показателю выделяются курортные города балтийского побережья и периферийные приграничные муниципалитеты (таблица 2). Их общей чертой является низкая мобильность населения, а наиболее отличительной – моральное состояние социумов: 18% уроженцев курортной зоны выбрали опцию «я родился здесь, но не чувствую себя дома»; в периферийных городах этот вариант ответа никто не выбрал.

Обратимся к локальному контексту. Уже было сказано, что депопулирующая приграничная периферия характеризуется экономическим застоєм: люди балансируют на грани бедности, о чем свидетельствуют как объективные, так и субъективные оценки. Респонденты отмечают деградацию и депрессивность окружающей их городской среды. Вместе с тем в условиях экономической скудности ценность скромных радостей и событий возрастает, и даже незначительные поводы позволяют испытывать счастье, а ограничение своих интересов кругом семейных проблем дает ощущение личной востребованности. Эту самооценку поддерживают и моральные аргументы: так, мнение о связи успешности с неодобряемым умением «идти напролом и добиваться своих целей любой ценой» разделяют 44% респондентов из периферийных муниципалитетов – вдвое больше, чем в среднем по области (21%), и почти в семь раз больше, чем в курортной зоне (7%). Вкупе с повышенной ценностью «спокойной совести» такой выбор означает придание

достижительным мотивациям оттенка нахрапистости и беспринципности, а скромной жизни – человеческого достоинства, заслуживающего уважения. Совокупное действие факторов укорененности и низкой мобильности позволяет укрепиться этим чувствам благодаря минимизации возможностей сравнения себя с другими. Накопленный социальный капитал поддерживает жизнеспособность местных сообществ и до определенной степени компенсирует проблемы, вызванные экономическим упадком и дефицитом развития.

Совершенно иной эффект укорененность производит в условиях открытости и быстрых перемен, когда имеющийся социальный капитал начинает работать против местного сообщества. На это указывают трудности взаимодействия укорененных «старожилов» и неукорененных «новоселов» в интенсивно разрастающихся курортных городах и поселках. Важно отметить, что оба социума имеют много общего. Они характеризуются сходством возрастной структуры, смещенной в сторону пенсионных возрастов, общностью советского прошлого с его идеологемами и жизненным опытом послевоенных поколений. Основные различия связаны с достигнутым социальным и имущественным статусом, который заметно выше у «новоселов», причем не только у представителей административной, творческой или бизнес-элиты, построившей особняки на побережье, но и у рядовых граждан, приехавших из других регионов страны и живущих в многоквартирных домах. В этой ситуации местным жителям довольно трудно избежать неблагоприятных сравнений, и укорененность из источника уверенности в себе превращается в фактор фрустрации. На локальном уровне и под воздействием локальных факторов воспроизводится ситуация, описанная на примере Калининградской области в начале 2010-х гг. [Исследование социального самочувствия 2012]. Проведенные тогда опросы показали дисбаланс между относительным материальным благополучием калининградцев на фоне остальных регионов Северо-Западного федерального округа и их плохим социальным самочувствием, вызванным неблагоприятным сравнением себя с динамично развивающимися соседними странами ЕС. Ощущение относительной социальной депривации подпитывало недовольство людей собственной судьбой и миграционные настроения. Нечто похожее происходит и сегодня в курортных городках области, где ощущение вытеснения местных жителей на периферию городской жизни и кажущееся присвоение их жизненного пространства заставляют многих «старожилов» продавать свое жилье и перебираться в другие населенные пункты, не испытывающие столь сильного миграционного и рекреационного давления.

Мобильность и трансграничные контакты

Столь же неоднозначно проявляется и фактор мобильности. На взгляд внешнего наблюдателя географическое положение Калининградской области уже само по себе предполагает интенсивные трансграничные контакты. В пользу этого тезиса говорит и массовое наличие загранпаспортов у местных жителей, и столь же массовое посещение ими соседних Польши и Литвы. Нам неоднократно приходилось слышать рассказы о теневой приграничной торговле подакцизными товарами, польских супермаркетах с «хорошими» продуктами, аквапарках и прочих увеселе-

ниях, а также о Гданьске как «аэропорте Калининграда», откуда можно «дешево» улететь в любую страну и сторону. Опрос, однако, показывает преувеличенность этих представлений. Порядка половины взрослого населения области никогда не выезжала за рубеж, эти люди являются пассивными участниками трансграничных процессов: в областном центре их доля несколько ниже и составляет 40% жителей, зато в периферийных городах, несмотря на их близость к государственным границам, поднимается почти до 70% (таблица 2).

Пищу для размышлений дает и сравнение результатов калининградских и общероссийских опросов. Порядка 60% россиян никогда не бывали за пределами бывшего СССР, при этом среди москвичей таковых 33%, среди жителей городов, сопоставимых по размеру с Калининградом, чуть более половины, и малых городов – 70%³. По сути, в Калининградской области, несмотря на всю специфику географического положения, воспроизводится типичный для страны паттерн мобильности населения, обусловленный размером городов и образом жизни людей. Близость к государственным границам важна, но не является решающим фактором. В пользу этого тезиса говорит и значительная доля затруднившихся с ответом на вопрос о влиянии границы на жизнь местного населения, и склонность маломобильных калининградцев к негативным оценкам фактора близости границ. Это означает, что как минимум к половине жителей области нельзя применить теорию транскультурного пограничья [Anzaldúa 2012], рассматривая их в качестве лиц, использующих ресурсы географического положения и пограничного соседства.

Более мобильная часть калининградского социума также далеко не в полной мере соответствует этому определению. Если говорить о вовлеченности в трансграничную активность, то поездки за рубеж стали составляющей образа жизни примерно для 7% мобильных калининградцев, которые в доэпидемические времена пересекали границу не реже одного раза в месяц; именно эта группа была склонна давать однозначно позитивные оценки близости государственных границ. Из ответов людей становилось ясно, что главным плюсом трансграничного образа жизни является разнообразие: наличие альтернатив, расширение возможностей потребления, досуга и образования. Еще для 30% поездки за рубеж являлись скорее приятным событием, происходящим не чаще пары раз в год. Здесь мнения разделились между теми, кто воспринимал близость границы как благо, и теми, кто относился к этому факту равнодушно, не считая, что он хоть как-то влияет на их жизнь. Для остальных 13% пересечение границы оказалось редким эпизодом: чем реже люди отправлялись в зарубежные поездки, тем больше они были склонны рассматривать близость границы как негативный фактор.

Вполне ожидаемо, что на частоту заграничных поездок влияют возраст, уровень образования и размер доходов, поэтому социально состоявшиеся, зажиточные, образованные и живущие в региональной столице оказались заметно активнее. Тем не менее основную массу выезжающих составляют люди, попадающие в среднюю категорию по всем выбранным параметрам. Данный факт полностью согласуется со структурой населения области и соответствует нормальному статистическому распределению. Специфику региона определяют не эти социально-

³ Наличие загранпаспорта и поездки за рубеж (2016) // Аналитический центр Юрия Левады. 26 апреля 2016 // <https://www.levada.ru/2016/04/26/nalichie-zagranpasporta-i-poezdki-za-rubezh/>, дата обращения 12.12.2021. Аналитический центр Юрия Левады – некоммерческая организация, признанная выполняющей функции иностранного агента.

демографические характеристики, а большее разнообразие мотивов поездок за границу по сравнению с внутренними регионами России. Представление об их структуре позволяет составить анализ ответов на открытый вопрос о причинах дискомфорта, испытываемого респондентами из-за введения эпидемических ограничений.

В первую группу входят мотивы «выживания», связанные с теневой трансграничной торговлей и разницей цен на продукты питания; на это указали порядка 2% респондентов. На долю диаметрально противоположной группы, сетовавшей на нехватку «развлечений», также пришлось 2%. Это две полярные социальные страты – «челноки» и «гедонисты», воспринимающие границу как значимую часть своей жизни. О нарушении родственных связей и дефиците дружеского общения сожалели 3% опрошенных, что свидетельствует о наличии трансграничного социума, живущего на две страны. Большая часть этой категории респондентов до пандемии посещали преимущественно Литву, т. е. их трансграничность – следствие распада некогда единой страны. Немногим менее 2% упомянули деловые мотивы – затрудненность рабочих контактов и помехи ведению бизнеса. Полпроцента говорили о медицинских услугах, и еще меньше – о проблемах, связанных с дистанционной учебной. В целом доля лиц, конкретизировавших трудности, возникшие из-за ограничения свободы перемещений, оказалась сравнительно небольшой (порядка 10–12%) и сконцентрированной преимущественно в Калининграде. Для подавляющего большинства жителей области закрытие границ не стало драматическим событием, людей скорее раздражал сам запрет, нежели его реальные последствия.

Похоже, что приписываемые калининградскому социуму «двоемирие» и бикультурность – это скорее воображаемые, нежели реальные явления. Почему же данный феномен вызывает такую обеспокоенность? Видимо, дело не в многочисленности группы, обладающей сложной политической лояльностью, а в ее социальной привлекательности: сравнительной молодости, жизненной энергии, образованности, обеспеченности и стильности. Никакая другая социальная страта области не может похвастаться таким набором символов успеха, превращающих ее в образец для подражания. Поэтому роль этой группы в формировании публичного дискурса, используемого для саморепрезентации теми, кто ассоциирует себя с наиболее современной и продвинутой частью общества, возрастает до критически важных значений. Другими словами, не поездки за рубеж сами по себе, а ощущение периферийности и отсталости, опосредованное впечатлениями от трансграничной мобильности наиболее успешной и в этом смысле привилегированной части социума, вносит существенный вклад в формирование контекста локальной жизни и, в конечном счете, идентичности людей.

Заключение

Приступая к исследованию особенностей формирования калининградской идентичности, мы исходили из общепринятого представления о Калининградской области как особом российском регионе, испытывающем сильное культурное влияние со стороны соседних европейских стран, проводником которого являются интенсивные трансграничные контакты его жителей. В то же время нам казалось,

что данная объяснительная модель не исчерпывает всей сложности ситуации; не меньшее, а, возможно, большее значение имеет средовой контекст локальной жизни: привычки, убеждения и мировоззрение людей могут различаться не от страны к стране, а от места к месту. Стремление проверить данную гипотезу потребовало максимально возможной детализации пространственного анализа, использования разных источников информации (от статистических данных до экспертных мнений и опроса населения) и исследовательских методов, принятых в социальной географии и социологии. Полученные результаты подвели нас к следующим выводам:

1. Спецификой Калининградской области является территориальная выраженность мировоззренческих границ, маркирующих не только пространство социальных отношений, но и конкретные географические ареалы. Значительные различия жизненных укладов в диапазоне от космополитично-гедонистического до глубоко сельского и их «привязанность» к месту дают основание говорить о локальных субкультурах и многообразии контекстов формирования калининградской идентичности, не сводимых к феноменам пограничности и лиминальности, а также дихотомии традиционности и современности, российских и европейских привычек.
2. Ключевыми факторами, определяющими склад локального мышления и специфику ценностных представлений, являются (1) концентрация на ценностях «выживания», связанная с периферийностью, неустроенностью и ощущением заброшенности; (2) фрустрация, вызванная неблагоприятными сравнениями себя с «другими», а также социально-экономической поляризацией, неизбежно сопутствующей интенсивным изменениям, происходящим в отдельных очагах экономического роста; (3) инерционность и низкая мобильность значительной части калининградского социума. Это противоречит географическим реалиям и устоявшемуся мнению, но в общих чертах соответствует общероссийской ситуации.
3. Значение, которое придается геополитическому положению региона как фактору формирования идентичности его жителей, связано с доступностью поездок в соседние европейские страны. Освоение людьми инокультурных практик и привнесение их в собственную жизнь рассматриваются как вызов, гипотетически способный спровоцировать неоднозначные социально-политические последствия. Проведенное исследование продемонстрировало аналитическую односторонность данного взгляда. Фактор эксклавности Калининградской области, не столь существенный сам по себе, превращается в вызов при условии, что трансграничная активность является следствием необходимости компенсировать дефицит локальных ресурсов. Наиболее простым, эффективным и доступным способом его компенсации становится переориентация части жизнедеятельности на соседнее государство. Этот феномен хорошо описывается концепцией транскультурного пограничья. В Калининградской области под определение «человека на границе культур», пользующегося возможностью жить в двух и более социокультурных средах, попадают представители двух полярных социальных страт: условно «бедные», ориентированные на «выживание», и условно «богатые», ориентированные на «самоутверждение», гедонизм и разнообразие. Судя по ответам респондентов, доля лиц, к которым применим концепт «жизни на две страны», составляет не более 3–4% населения региона.

4. Культурная программа формирования калининградской идентичности складывается под влиянием различающихся систем ценностных приоритетов, свойственных жителям разных типов муниципальных образований. Функциональная специфика, социально-экономическое положение и пространственная позиция городов и поселков определяют «уклон» самоидентификации. Вполне ожидаемо, что в условиях периферийности и сосредоточенности людей на собственных неурядицах предпочтение отдается семейно-ролевым и местным идентификаторам; в условиях социального уныния и деморализации – негативным и нигилистическим; в условиях гарнизонной дисциплины – гражданско-государственным. Наиболее культурно-сложным является сообщество Калининграда. Город репрезентирует область в целом, объединяя черты всех локальных субкультур региона. Его отличительной особенностью является заметность транскультурной и космополитичной социальной страты, слабо представленной в остальных типах муниципальных образований.
5. Существенным фактором, повышающим многообразие контекстов формирования калининградской идентичности, можно назвать рефлексивную практику населения. Если местному социуму удастся закрепить за общезначимыми ценностными категориями приемлемые для себя смыслы, то, несмотря на тяжелую экономическую ситуацию, в обществе сохраняется позитивный настрой. Если же на фоне быстрых и значительных изменений не происходит смыслового перекодирования важных понятий, то вместо веры в жизнеспособность социума появляется чувство обреченности. Показатели субъективного благополучия и экзистенциальной безопасности резко снижаются, несмотря на достигнутый уровень материального благосостояния. Ощущение относительной культурной депривации ускоряет разрушение привычного порядка местной жизни и распад социальной ткани.

Подводя итог рассуждениям о множественности контекстов формирования калининградской идентичности, определяющих ее структуру и смыслы, необходимо также подчеркнуть аналитическую пригодность параметрической модели кросс-культурных сравнений для исследования локальных различий на уровне отдельных регионов. Однако ее использование требует дополнения более тонкими методами социальной антропологии, а возможно, и когнитивной лингвистики, анализа рефлексивных практик людей и семантической структуры понятий, с помощью которых респонденты описывают свои эмоции и происходящие процессы.

Список источников

- Абылкаликов С.И., Сазин В.С. (2019) Основные итоги миграционных процессов в Калининградской области по данным переписей и микропереписей 1989–2015 годов // Балтийский регион. Т. 11. № 2. С. 32–50. DOI: 10.5922/2079-8555-2019-3
- Андрейчук Н.В., Гаврилина Л.М. (2011) Феномен калининградской региональной субкультуры (социально-философский и культурологический анализ). Калининград: РГУ им. И. Канта.
- Артоболевский С.С. (2009) Калининградская область: уникальный регион и типичный центр // Балтийский регион. Т. 2. № 2. С. 115–128.

- Берендеев М. (2007) «Кто мы?»: Калининградцы в поисках идентичности // Социологические исследования. № 4. С. 127–132.
- Гаврилина Л.М. (2013) «Калининградский текст» как репрезентация городской идентичности // Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований. № 5. С. 88–99.
- Гаврилина Л.М., Андрейчук Н.В. (2008) Образ мира в системе калининградской региональной субкультуры // Вестник БФУ им. И. Канта. № 6. С. 17–26.
- Дрейф общественного мнения или калининградцы 16 лет спустя (2019) // Исследовательская компания «КМГ» // http://kmggroup.ru/wp-content/uploads/2019/09/Forgo_doc.pdf, дата обращения 12.12.2021.
- Задорин И.В. (2018) Регионы «рубежа»: территориальная идентичность и восприятие «особости» // Политика. № 2 (89). С. 102–136. DOI: 10.30570/2078-5089-2018-89-2-102-136
- Инглхарт Р., Вельцель К. (2011) Модернизация, культурные изменения и демократия: последовательность человеческого развития. М.: Новое издательство.
- Исследование социального самочувствия населения городов Архангельск, Псков и Калининград (2012). Северодвинск: Фокус.
- Каганский В.Л. (2007) Районирование Лейзеровича: трудный подарок социологу // Социальная реальность. № 7. С. 81–83.
- Каганский В.Л. (2012) Внутренняя периферия – новая растущая зона культурного ландшафта России // Известия Российской академии наук. Серия географическая. № 6. С. 23–34. DOI: 10.15356/0373-2444-2012-6-23-34
- Калашников К.Н., Будилов А.П. (2019) Контуры социокультурной самобытности жителей Калининградской области // Эпоха науки. № 20. С. 513–519. DOI: 10.24411/2409-3203-2019-20109
- Кришталь М.И. (2018) Электоральная специфика Калининградской области в условиях эксклавноности // Вестник БФУ им. И. Канта. Серия: Гуманитарные и общественные науки. № 2. С. 93–108.
- Кузнецов И.М. (2017) Ценностные ориентиры и социально-политические установки россиян // Социологические исследования. № 1. С. 47–55.
- Кузнецова Т.Ю. (2016) Геодемографическая типология муниципальных образований Калининградской области // Вестник БФУ им. И. Канта. Серия: Естественные и медицинские науки. № 1. С. 15–27.
- Кузнецова Т.Ю., Сибирева Н.И. (2020) Экономико-демографические различия муниципальных образований Калининградской области // Вестник БФУ им. И. Канта. Серия: Гуманитарные и общественные науки. № 1. С. 43–55.
- Лейзерович Е.Е. (2004) Экономические микрорайоны России (сетка и типология). М.: Трилобит.
- Левкина Ю.Ю., Алимпиева А.В. (2015) Дискурсы идентификации и проблема конструирования идентичности // Вестник БФУ им. И. Канта. № 12. С. 89–96.
- Лялина А.В. (2020) Внутрорегиональная дифференциация Калининградской области по уровню жизни: тенденции и проблемы // Балтийский регион – регион сотрудничества. Регионы в условиях глобальных изменений: Материалы IV международной научно-практической конференции. Калининград, 21–23 октября 2020. С. 281–295.
- Мартынова М.Ю., Григорьева Р.А. (2018) Этнокультурная ситуация и идентичность населения Калининградской области // Тишков В.А., Степанов В.В. (ред.) Этническое и религиозное многообразие России. М.: ИЭА РАН. С. 323–349.
- Михайлов А.С., Самусенко Д.Н., Михайлова А.А., Сорокин И.С. (2019) Роль приморских агломераций и городов в инновационном пространстве европейской части России // Известия Русского географического общества. Т. 151. № 3. С. 1–17. DOI: 10.31857/S0869-607115131-17
- Мкртчян Н.В., Карачурина Л.Б. (2014) Центры и периферия в странах Балтии и регионах Северо-Запада России: динамика населения в 2000-е годы // Балтийский регион. № 2. С. 62–80. DOI: 10.5922/2074-9848-2014-2-4
- Нефедова Т.Г. (2012) Основные тенденции изменения сельского пространства России // Известия Российской академии наук. Серия географическая. № 3. С. 7–23.

- Нефедова Т.Г. (2013) Десять актуальных вопросов о сельской России: ответы географа. М.: URSS.
- Пилясов А.Н. (2004) Калининградская область – препятствия и предпосылки для перехода к модели экспортоориентированной экономики // Регион сотрудничества. № 16. С. 34–54.
- Погребняков П.В. (2014) Экономико-географическая типология в разработке и оценке стратегий развития муниципальных районов и городских округов Калининградской области: диссертация. Калининград.
- Родоман Б.Б. (1999) Территориальные ареалы и сети: Очерки теоретической географии. Смоленск: Ойкумена.
- Родоман Б.Б. (2002) Поляризованная биосфера: Сборник статей. Смоленск: Ойкумена.
- Родоман Б.Б. (2014) Российская внутренняя периферия // Наука, Инновации, Технологии. № 4. С. 139–147.
- Российский фронтир: гражданская идентичность на передовом рубеже страны (2017). М.: ЦИРКОН // http://www.zircon.ru/upload/iblock/76c/Rossijskij_frontir_Analitcheskij_otchet.pdf, дата обращения 12.12.2021.
- Смирнягин Л.В. (1989) Районы США: портрет современной Америки. М.: Мысль.
- Смирнягин Л.В. (2011) Методические подходы к районированию в общественной географии // Вестник Московского Университета. Серия 5: География. № 6. С. 13–19.
- Сморodinская Н.В. (2001) Калининград в условиях объединения Европы: вызов и ответ // Вопросы экономики. № 11. С. 106–127.
- Трейвиш А.И. (2009) Город, район, страна и мир. Развитие России глазами страноведа. М.: Новый хронограф.
- Федоров Г.М. (2010) Калининградская дилемма: «Коридор развития» или «Двойная периферия»? Геополитический фактор развития российского эксклава на Балтике // Балтийский регион. № 2 (4). С. 5–15.
- Федоров Г.М., Кузнецова Т.Ю., Разумовский В.М. (2017) Влияние близости моря на развитие экономики и расселения Калининградской области // Известия Русского географического общества. Т. 149. № 3. С. 15–31.
- Шварц Ш. (2008) Культурные ценностные ориентации: природа и следствия национальных различий // Психология. Т. 5. № 2. С. 37–67.
- Anzaldúa G. (2012) Borderlands. La Frontera: The New Mestiza, San Francisco: Aunt Lute Books.
- Davidov E., Schmidt P., Billiet J., Meuleman B. (eds.) (2018) Cross-Cultural Analysis. Methods and Applications, Routledge.
- Hofstede G. (2011) Dimensionalizing Cultures: The Hofstede Model in Context // Online Readings in Psychology and Culture, no 2. DOI: 10.9707/2307-0919.1014
- Hofstede G., Hofstede G.J., Minkov M. (2010) Cultures and Organizations: Software of the Mind, New York: McGraw-Hill.
- Inglehart R. (2018) Cultural Evolution. People's Motivations Are Changing, and Reshaping the World, Cambridge University Press.
- Inglehart R., Foa R., Ponarin E., Welzel Ch. (2013) Understanding the Russian Malaise: The Collapse and Recovery of Subjective Well-Being in Post-Communist Russia. WP BRP 32/SOC/2013 // <https://wp.hse.ru/data/2013/12/30/1342090608/32SOC2013.pdf>, дата обращения 12.12.2021.
- Klemeshev A., Fedorov G., Fidrya E. (2017) Specific Kaliningrad Character of the Russian Identity // Bulletin of Geography. Socio-economic Series, no 38, pp. 47–55. DOI: 10.1515/bog-2017-0033
- Schwartz S.H., Lehmann A., Roccas S. (1999) Multimethod Probes of Basic Human Values // Social Psychology and Culture Context: Essays in Honor of Harry C. Triandis (eds. Adamopoulos J., Kashima Y.), Newbury Park, CA: Sage, pp. 107–123.

Borderland and Peripherality: Discussing the Contexts of Identity Shaping of the Kaliningrad Region Inhabitants

O.I. VENDINA*, A.S. ZYNOVIEV**

***Olga I. Vendina** – PhD in Geography, Leading Researcher, Institute of Geography of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation, vendina@igras.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3650-1299>

****Andrey S. Zinovyev** – Senior Lecturer, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation, a.zinovyev@spbu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9203-407X>

Citation: Vendina O.I., Zinovyev A.S. (2022) Borderland and Peripherality: Discussing the Contexts of Identity Shaping of the Kaliningrad Region Inhabitants. *Mir Rossii*, vol. 31, no 2, pp. 118–143 (in Russian). DOI: 10.17323/1811-038X-2022-31-2-118-143

Abstract

This article focuses on the significant internal heterogeneity of the Kaliningrad region, the unevenness of its territorial development and the presence of significant differences in the lifestyles and perceptions of its people. We show the diversity of contexts that influence the structure and meaning of the identities of the Kaliningrad population, in addition to the geopolitical position of the region and the active cross-border contacts of its inhabitants. A comparison of the typology of the municipalities of the region, developed on the basis of socio-economic and demographic criteria, with the results of a representative survey of the population (autumn 2020) led the authors to conclude there is a territorial expression of ideological boundaries, marking not only the space of social relations, but also specific geographical areas. The key factors of spatial differentiation are the peripherality and the disorganization of many settlements; frustration caused by the socio-economic polarization of society; and social inertia. The exclave and borders of the region are significant in the formation of Kaliningrad identity, if the cross-border activity of people becomes a consequence of the need to compensate for the deficit of local resources and development. The phenomenon of a liminal society, distancing itself from the cultural core of the country, does not have a significant scale in the region, contrary to the widespread opinion about the “double world” of the Kaliningrad region and the cosmopolitanism of its inhabitants.

Keywords: *Kaliningrad region, identity, values, borderland, peripherality, subjective well-being, mobility, differences*

References

Abylkalikov S.I., Sazin V.S. (2019) The Main Outcomes of Migration to the Kaliningrad Region according to Data of the Census and Micro-census of the 1989–2015. *Baltic Region*, vol. 11, no 2, pp. 32–50 (in Russian). DOI: 10.5922/2079-8555-2019-3

The work was carried out with the financial support of the RFBR, project No. 20-05-00697 “Kaliningrad identity in cross-border and cross-cultural contexts” (survey and field research), as part of the Institute of Geography of the Russian Academy of Sciences No. 0148-2019-0008 (AAAAA19-119022190170-14) “Problems and prospects of territorial development of Russia in conditions of its unevenness and global instability” (analytics).

The article was received in August 2021.

- Andrejchuk N.V., Gavrilina L.M. (2011) *The Phenomena of the Kaliningrad Regional Subculture from the Points of View of the Social Philosophy and Cultural Studies*, Kaliningrad: RGU im. I. Kanta (in Russian).
- Anzaldúa G. (2012) *Borderlands. La Frontera: The New Mestiza*, San Francisco: Aunt Lute Books.
- Artobolevskij S.S. (2009) Kaliningrad Region: Unique Example and Typical Case. *Baltic Region*, vol. 2, no 2, pp. 115–128 (in Russian).
- Berendeev M. (2007) “Who Are We?”: The Kaliningrad Region Population in Search for Identity. *Sociological Studies*, no 4, pp. 127–132 (in Russian).
- Davidov E., Schmidt P., Billiet J., Meuleman B. (eds.) (2018) *Cross-Cultural Analysis. Methods and Applications*, Routledge.
- Drifting of Public Opinion or Kaliningrad Society 16 years after (2019). *KMG*. Available at: http://kmggroup.ru/wp-content/uploads/2019/09/Forgo_doc.pdf, accessed 12.12.2021 (in Russian).
- Fedorov G.M. (2010) Dilemma of Kaliningrad Region: “Development Corridor” or “Dual Periphery”? Geopolitical Factor of Development of the Russian exclave on Baltic. *Baltic Region*, vol. 4, no 2, pp. 5–15 (in Russian).
- Fedorov G.M., Kuznecova T.Yu., Razumovskij V.M. (2017) The Impact of the Seaside Location on the Economic Development and Settlement in the Kaliningrad Region. *Izvestiya Russkogo geograficheskogo obshchestva*, vol. 149, no 3, pp. 15–31 (in Russian).
- Gavrilina L.M. (2013) Semiotics of the “Kaliningrad’s Text” as a Representation of the City Identity. *Labyrinth*, no 5, pp. 88–99 (in Russian).
- Gavrilina L.M., Andrejchuk N.V. (2008) Image of the World in the System of the Kaliningrad Regional Subculture. *IKBFU’s Vestnik*, no 6, pp. 17–26 (in Russian).
- Hofstede G. (2011) Dimensionalizing Cultures: The Hofstede Model in Context. *Online Readings in Psychology and Culture*, no 2. DOI: 10.9707/2307-0919.1014
- Hofstede G., Hofstede G.J., Minkov M. (2010) *Cultures and Organizations: Software of the Mind*, New York: McGraw-Hill.
- Inglehart R. (2018) *Cultural Evolution. People’s Motivations Are Changing, and Reshaping the World*, Cambridge University Press.
- Inglehart R., Foa R., Ponarin E., Welzel Ch. (2013) *Understanding the Russian Malaise: The Collapse and Recovery of Subjective Well-Being in Post-Communist Russia*. WP BRP 32/SOC/2013. Available at: <https://wp.hse.ru/data/2013/12/30/1342090608/32SOC2013.pdf>, accessed 12.12.2021.
- Inglehart R., Welzel Ch. (2011) *Modernization, Cultural Change, and Democracy The Human Development Sequence*, Moscow: Novoe izdatel’stvo (in Russian).
- Kaganski V.L. (2007) The Zoning of Lazerovich: A Difficult Gift to a Sociologist. *Social Reality*, no 7, pp. 81–83 (in Russian).
- Kaganski V.L. (2012) Inner Periphery – New Growing Zone of the Cultural Landscape of Russia. *Izvestiya Rossiiskoi akademii nauk. Seriya Geograficheskaya*, no 6, pp. 23–34 (in Russian). DOI: 10.15356/0373-2444-2012-6-23-34
- Kalashnikov K.N., Budilov A.P. (2019) The Frame of Socio-Cultural Distinctiveness of the Kaliningrad Region Inhabitants. *Epokha nauki*, no 20, pp. 513–519 (in Russian).
- Klemeshev A., Fedorov G., Fidrya E. (2017) Specific Kaliningrad Character of the Russian Identity. *Bulletin of Geography. Socio-economic Series*, no 38, pp. 47–55. DOI: 10.1515/bog-2017-0033
- Krishtal’ M.I. (2018) The Electoral Specificity of the Kaliningrad Region under the Exclave Conditions. *IKBFU’s Vestnik. The Humanities and Social Science*, no 2, pp. 93–108 (in Russian).
- Kuznetsov I.M. (2017) Value Orientations and Socio-Political Attitudes of Russians. *Sociological Studies*, no 1, pp. 47–55 (in Russian).
- Kuznetsova T.Yu. (2016) The Typology of the Kaliningrad Region Municipalities by the Geo-Demographical Criteria. *IKBFU’s Vestnik. Natural and Medical Sciences*, no 1, pp. 15–27 (in Russian).
- Kuznetsova T.Yu., Sibireva N.I. (2020) The Economic and Demographical Differences of the Kaliningrad Region Municipalities. *IKBFU’s Vestnik. The Humanities and Social Science*, no 1, pp. 43–55 (in Russian).

- Lazerovich E.E. (2004) *Economic Microdistricts of Russia (Grid and Typology)*, Moscow: Trilobit (in Russian).
- Levkina Yu.Yu., Alimpieva A.V. (2015) Discourses of Identification and the Problem of an Identity Construction. *IKBFU's Vestnik*, no 12, pp. 89–96 (in Russian).
- Martynova M.Yu., Grigor'eva R.A. (2018) The Ethno-Cultural Specific and Identities of the Kaliningrad Region Population. *Ethnic and Religious Diversity of Russia* (eds. Tishkov V.A., Stepanov V.V.), Moscow: IEA RAN, pp. 323–349 (in Russian).
- Mikhaylov A.S., Samusenko D.N., Mikhaylova A.A., Sorokin I.S. (2019) The Role of Coastal Agglomerations and Cities in the Innovation Space of the European Part of Russia. *Izvestiya Russkogo geograficheskogo obshestva*, vol. 151, no 3, pp. 1–17 (in Russian). DOI: 10.31857/S0869-607115131-17
- Mkrtychyan N.V., Karachurina L.B. (2014) The Centre and Periphery in the Baltic Countries and in the Regions of the West of Russia. *Baltic Region*, no 2, pp. 62–80 (in Russian). DOI: 10.5922/2074-9848-2014-2-4
- Nefedova T.G. (2012) The Main Trends In The Change In The Rural Space of Russia. *Izvestiya Rossiiskoi akademii nauk. Seriya Geograficheskaya*, no 3, pp. 7–23 (in Russian).
- Nefedova T.G. (2013) *Ten Topical Questions about Rural Russia: Answers from a Geographer*, Moscow: URSS (in Russian).
- Pilyasov A.N. (2004) Kaliningrad Region – The Constraints and Preconditions for Transition to the Export-Oriented Economic Model. *Region of Cooperation*, no 16, pp. 34–54 (in Russian).
- Pogrebnyakov P.V. (2014) *The Use of the Economic and Geographical Typologies in Establishing and Evaluation of the Strategic Program for Development of Municipal Areas and Urban Districts in Kaliningrad Region*, Kaliningrad (in Russian).
- Rodoman B.B. (1999) *Territorial Areas and Networks: Essays on Theoretical Geography*, Smolensk: Ojkumena (in Russian).
- Rodoman B.B. (2002) *The Polarized Biosphere*, Smolensk: Ojkumena (in Russian).
- Rodoman B.B. (2014) Russian Domestic Peripherals. *Science. Innovations. Technologies*, no 4, pp. 139–147 (in Russian).
- Russian Frontier: Civic Identity on the Country Front-Line. Analytic Summery of the Survey* (2017). Moscow: CIRKON. Available at: www.zircon.ru/upload/iblock/76c/Rossiiskij_frontir_Analicheskij_otchet.pdf, accessed 12.12.2021 (in Russian).
- Schwartz S.H. (2008) Cultural Value Orientations: Nature & Implications of National Differences. *Psychology. Journal of the Higher School of Economics*, vol. 5, no 2, pp. 37–67 (in Russian).
- Schwartz S.H., Lehmann A., Roccas S. (1999) Multimethod Probes of Basic Human Values. *Social Psychology and Culture Context: Essays in Honor of Harry C. Triandis* (eds. Adamopoulos J., Kashima Y.), Newbury Park, CA: Sage, pp. 107–123.
- Smirnyagin L.V. (1989) *Regions of the USA: A Portrait of Modern America*, Moscow: Mysl' (in Russian).
- Smirnyagin L.V. (2011) Methodical Approach to the Zoning in Human Geography. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seria 5, Geografia*, no 6, pp. 13–19 (in Russian).
- Smorodinskaya N.V. (2001) Kaliningrad under Condition of the United Europe. *Voprosy ekonomiki*, no 11, pp. 106–127 (in Russian).
- Survey of the Social Well-being of Residents in the Cities of Arhangel'sk, Pskov and Kaliningrad* (2012), Severodvinsk: Fokus (in Russian).
- Treivish A.I. (2009) *City, Region, Country and World. Development of Russia through the Eyes of a Regional Geographer*, Moscow: Novyj Khronograf (in Russian).
- Zadorin I.V. (2018) The Regions of the Frontiers: The Territorial Identities and Perception of the “Distinctiveness”. *Politeia*, vol. 89, no 2, pp. 102–136 (in Russian). DOI: 10.30570/2078-5089-2018-89-2-102-136